

Глава 6. Разве мы так близки?

— Какова бы ни была цель вашего визита, вам следует знать правила моего дома, — произнёс Цинь Шэнь. Он сидел за столом в простом домашнем халате, его лицо было холодным и бесстрастным.

С расстояния в три чи Еян Цы первым делом обратил внимание на цвет его одежд. Сначала он показался ему чёрным, но присмотревшись, юноша понял, что это был густой, почти чёрный фиолетовый, называемый «застывший ночной пурпур».

«Звуки рогов наполняют осеннее небо, на границе алая заря застывает ночным пурпуром», — название этого цвета было взято из стихов Ли Хэ. Краситель этот был редок и очень дорог.

Лишь после этого гость посмотрел князю в лицо. Нельзя было отрицать, что черты Цинь Шэня были поразительно красивы, но эта красота несла в себе печать упадка. Его брови были сведены, словно над ними сгустился туман, в котором мелькали отблески чего-то острого и хищного. Еян Цы моргнул, и видение исчезло. Перед ним был всего лишь разочарованный в жизни цзюньван.

Еян Цы сложил руки и с улыбкой сказал:

— Я знаю. Всякий, кто осмелится назвать своё подношение подлинником Демона Поэзии и принести его вам, в случае обнаружения подделки будет выброшен за ворота со сломанными ногами. Если же вещь окажется подлинной, князь купит её за большие деньги и никогда не нарушит своего слова.

— Девять из десяти — подделки.

— А я — тот самый десятый.

Цинь Шэнь даже не поднял глаз:

— Показывай.

Гость открыл длинную шкатулку, достал свиток шириной более двух чи в водонепроницаемом чехле из воловьей кожи. Сняв чехол, он развязал шнурок и медленно развернул свиток.

Свиток был длинным. Один его конец, развернувшись, лёг на стол, другой он держал в руках. Цинь Шэнь, оперевшись о край стола, наклонился, чтобы рассмотреть его.

На искусно оформленном длинном свитке размашистой скорописью было написано стихотворение в стиле юэфу «Зов скачущего коня»:

Есть у меня меч, покидающий столицу,

Нефритовый клинок его способен рассечь облака.

Всадник из Сянъяна, дух его рождает весну.

Утром досадует на спокойный блеск меча,

Вечером — на холодный цветок на клинке.

Умеет направить меч на других,

Но не умеет направить его на себя.

Подпись гласила: «Третий месяц года Цзя-у, Ли Чанцзи», и была скреплена именной печатью.

Цинь Шэнь, затаив дыхание, внимательно изучал свиток и вдруг холодно усмехнулся:

— Это стихотворение «Зов скачущего коня» должно быть написано в год Бин-шэнь. Похоже, твоим ногам не уцелеть.

Еян Цы сохранял спокойствие:

— Это заблуждение потомков. Стихотворение было написано в год Цзя-у, когда он, путешествуя на юг в У и Чу, проезжал через Сянъян и задержался там на некоторое время.

— Подлинники из Чангу редки. Откуда тебе так хорошо известны события многовековой давности? — допытывался князь.

Еян Цы глубоко вздохнул и, указав на третью строку, сказал:

— Потому что этот всадник из Сянъяна — мой предок.

Цинь Шэнь удивлённо взглянул на него.

— Мой предок, странствующий рыцарь Великой Тан Еян Тяньшуан, оставил потомкам «Трактат о мече, рассекающем облака». В третьем месяце года Цзя-у он встретил на улицах Сянъяна Ли Хэ. Они повздорили, но затем, примирившись, вместе пили вино, и в дар он получил это собственноручно написанное Ли Хэ стихотворение. Слова «направить меч на себя» так подействовали на моего предка, что он раскаялся, оставил задиристый нрав и посвятил себя

самосовершенствованию. С тех пор его потомки стали семьёй земледельцев и учёных.

Он выпалил всё на одном дыхании и спросил:

— Князь не верит? К сожалению, прибыв в Сяцзинь, я не взял с собой ни родословную, ни фамильные записи.

Цинь Шэнь молча разглядывал почерк и бумагу и наконец уверенно произнёс:

— Подлинник!

Он схватил край свитка, лежавший на столе.

— Назови цену.

Еян Цы покачал головой:

— Семейная реликвия, не продаётся.

— Не продаётся, так зачем ты пришёл ко мне? Набиваешь цену? — взгляд Цинь Шэня похолодел.

Еян Цы снова покачал головой:

— Действительно не продаётся. Я лишь хотел бы заложить его у князя, а когда у меня появятся деньги, выкупить обратно.

Цинь Шэнь хмыкнул:

— Я не держу ломбард.

Еян Цы с грустной улыбкой ответил:

— А я не из тех, кто разбазаривает семейное достояние.

Он хотел свернуть свиток, но правая рука Цинь Шэня крепко держала другой его конец. Они молча смотрели друг на друга через шесть веков, через великолепие, холодную красоту и мрачное величие наследия Демона Поэзии, меряясь силами.

Капля дождя с кончика волос бесшумно сорвалась и полетела на вторую строку стихотворения. Еян Цы в панике попытался поймать её. Цинь Шэнь резко протянул левую руку и перехватил каплю над самой бумагой. Глядя на два спасённых иероглифа, он с облегчением выдохнул:

— Цзеюнь...

— Да, — машинально откликнулся Еян Цы, — Цзяньчуань.

Цинь Шэнь замер, а затем нахмурился с досадой:

— Разве мы так близки, чтобы ты запросто называл меня по второму имени?

Еян Цы, опомнившись, рассмеялся:

— Но ведь князь первым назвал моё второе имя, я лишь ответил тем же.

— Я говорил о «нефритовый клинок его способен рассечь облака»!

— А я говорил о «растоптавшем снег в горном потоке».

Эта строка была явной выдумкой, да ещё и с намёком на «растоптать». Цинь Шэнь задохнулся от возмущения, с трудом перевёл дух и сурово произнёс:

— Еян Цы, ты слишком дерзок.

Весенний дождь за окном прекратился, и косые лучи заходящего солнца, пробившись сквозь облака, скользнули по ветвям белой сливы, проникли в окно и заиграли на щеке и шее собеседника. Его шея переходила в белоснежное плечо, образуя у ключицы неглубокую ямку, в которой, казалось, собрался свет. Капля с мокрых волос скользнула в этот свет и исчезла под воротником.

В ушах Цинь Шэня раздался тихий звон, словно капля талого снега упала с ветки в глубокий омут. Динь-дон, динь-дон... Он уловил тонкий аромат белой сливы, который, словно сеть, окутал его, пленяя трепетные, запретные мысли.

И в этом трепете он впервые по-настоящему увидел Еян Цы.

— Я был дерзок, прошу князя простить меня, — сказал Его визави.

Но Цинь Шэнь не услышал в его голосе ни страха, ни робости, а скорее уловил скрытую насмешку — тон, неподобающий «нижестоящему чиновнику».

«Этот Еян Цы, — пришло в голову Цинь Шэню, — с самой первой их встречи, когда он бросил в меня веер со склона, уже что-то задумал».

Он понял это и тут же решил, что этот человек чрезвычайно хитёр и выдержан, раз явился лишь десять дней спустя.

«Как бы его наказать... Принять залог? Какую сумму назначить... Слишком мало — покажется, что я скуп, слишком много — может подумать, что я хочу силой выкупить...»

Еян Цы, видя, что Цинь Шэнь всё ещё не отпускает свиток, а взгляд его затуманен, вздохнул и решил снизить свою первоначальную цену.

— Я действительно в нужде, иначе не стал бы закладывать семейную реликвию. Как вы думаете, князь, какая цена будет справедливой? Две...

Он хотел было осторожно предложить две тысячи лянов, но тот внезапно перебил:

— Двадцать тысяч лянов.

Еян Цы был потрясён.

И не только его одержимостью Демоном Поэзии, из-за которой он был готов потратить жалование цзюньвана за пять лет, бросить целое состояние на один подлинный свиток. Но и тем, что он, обладая таким богатством, ходил с вечно недовольным лицом, будто ему все должны восемь миллионов, и непонятно, кому он это демонстрировал.

— Согласен? — спросил Цинь Шэнь.

— Но я не смогу выкупить его в ближайшее время, — сказал чиновник.

— Три года. Если не выкупишь, залог станет невозвратным, и свиток перейдёт в мою собственность, — Цинь Шэнь медленно начал сворачивать свиток.

— ...

— Согласен?

— Согласен! — стиснув зубы, решил тот. За три года он должен заработать двадцать тысяч лянов и выкупить семейную реликвию.

Когда свиток был полностью свёрнут, судья разжал пальцы и с тоской произнёс:

— Прошу князя сохранить его.

Цинь Шэнь завязал шнурок и собрался было что-то сказать, но в дверь постучали, и снаружи раздался голос управляющего:

— Князь, есть срочное донесение.

Взгляд Цинь Шэня стал жёстким. Он положил свиток обратно в шкатулку и предупредил Еян Цы: «Жди здесь. Пока я не вернусь, никуда не уходи», — после чего поспешно вышел из кабинета.

Дверь закрылась. Он оглядел антикварные безделушки на полках и подошёл к бронзовой курительнице с золотой инкрустацией, чтобы рассмотреть её поближе.

Он не собирался рыться в ящиках и шкафах. Во-первых, ему не было дела до чужих тайн, а во-вторых, раз уж этот кабинет использовался для приёма гостей, никаких секретов здесь быть не могло.

Осмотрев четыре-пять предметов, он увидел, как в окно протиснулась большая кошка. На кончиках её ушей торчали две чёрные кисточки, а песчано-жёлтая шерсть лоснилась от хорошего ухода. В зубах она держала детский башмачок в виде головы тигра. Еян Цы, увидев её, замер как вкопанный. Он понял, что это не просто большая кошка, а рысь, которую в народе называли «земляным леопардом».

Он видел во дворцовом саду рысей, привезённых из Лянчжоу. Их держали как домашних животных, и знатные господа брали их с собой на охоту, чтобы травить косуль и оленей. Он не ожидал, что в резиденции князя Гаотана тоже есть такая.

Рысь царственной походкой, высокомерно ступая, направилась к нему. Он не хотел причинять ей вреда, а лишь прогнать, не подпуская ближе чем на три чжана. Судья уже начал искать, что бы в неё бросить, как за окном раздался женский голос:

— Юйту, верни башмачок!

Тут же послышался второй женский голос:

— Сестра, я видела, как Юйту запрыгнула в окно кабинета, пойдём поищем там.

Служанкам и слугам не позволялось самовольно входить в кабинет хозяина. Еян Цы подумал, что это, должно быть, две наложницы князя Гаотана. Он слышал, что несколько лет они жили где-то без имени и статуса, а два месяца назад их вернули в резиденцию вместе с трёхлетним мальчиком, которого объявили сыном князя. В резиденции все называли его наследником, хотя это ещё не было утверждено двором.

Дверь отворилась. Еян Цы поспешил спрятаться за полкой — следовало избегать встречи с женщинами.

Первая женщина вошла в комнату и попыталась вытащить башмачок из пасти рыси. Та, будучи ручной, не сопротивлялась и послушно разжала зубы. Вторая женщина сказала:

— Сестра, она прокусила дырку, я лучше сошью новый.

— Ничего, дырочка маленькая, можно зашить. Эх, через несколько дней годовщина смерти мужа, ты будешь занята переписыванием сутр и подношениями, так что башмачок лучше я зашью.

— Сестра... — голос второй женщины дрогнул.

Годовщина смерти мужа? Еян Цы вспомнил лицо Цинь Шэня... хоть и мрачное, но не до такой степени, чтобы походить на покойника.

— Это я виновата, снова о грустном. Не плачь, сестрица. Сейчас мы живём в резиденции князя Гаотана, и раз третий князь объявил нас своими наложницами, мы не должны выдать себя. Иначе, если всё раскроется, наша с тобой безопасность — это мелочи, но жизнь ребёнка окажется под угрозой, да и третий князь будет обвинён в обмане государя.

Еян Цы слушал и всё больше недоумевал: наложницы князя Гаотана — фальшивые? О каком обмане государя они говорят? И чей на самом деле этот трёхлетний наследник...

Он размышлял, как вдруг услышал шаги. Две женщины поклонились и произнесли:

— Дядя.

В голосе Цинь Шэня прозвучало удивление:

— Невестки, что вы делаете в моём кабинете? Вы не видели... посторонних?

— Юйту утащила любимый башмачок Янькая, он так плакал, что мы побежали за ней. В кабинете никого не было. Дядя, не беспокойтесь, за дверями мы не ошибёмся в обращении.

— Главное, что башмачок вернули. Заберите и Юйту с собой.

Две женщины с рысью ушли, и дверь снова закрылась. Еян Цы, затаив дыхание, прятался за самой дальней полкой, обдумывая, как ему теперь быть, но тут услышал холодный голос Цинь Шэня:

— Выходи.

Тот, скрепя сердце, вышел и, сложив руки, сказал:

— Князь, я здесь.

Цинь Шэнь подошёл к нему вплотную. Его лицо было в тени, и казалось, что на нём лежит отблеск острого клинка.

— Ты всё слышал...

Еян Цы уловил в этих словах смертельную угрозу и вздохнул:

— Да. Теперь я ваш соучастник.

— Соучастник? В чём?

— В сокрытии наложниц вашего старшего брата, покойного князя Лу Цинь Сюня, которых считали погибшими вместе с ним. В обмане государя.

Цинь Шэнь помолчал и сурово произнёс:

— Сегодня ты не выйдешь из этой резиденции живым.

— Князь хочет убить меня ради наживы? Может, я уступлю ещё в цене? Пятнадцать тысяч? Десять? — сказал Еян Цы.

Цинь Шэнь стиснув зубы:

— Разве дело в деньгах?!

Еян Цы:

— Если не в деньгах, то почему бы князю сначала не заплатить? Отправьте двадцать тысяч лянов серебра в Сяцзинь, передайте дяньши и скажите, что это плата за мою жизнь. Пусть он на эти деньги отремонтирует городские стены и ворота, расширит ров и построит барбакан для защиты от разбойников. А ещё пусть починит дороги, амбары и храм Конфуция в городе. И ещё, пусть купит побольше волов, семян пшеницы и хлопка, чтобы не опоздать с весенним севом.

Цинь Шэнь:

— ...

Цинь Шэнь:

— И из этих двадцати тысяч ты себе не оставишь ни фэня?

Еян Цы:

— Кто сказал? Я оставлю себе пятьсот лянов, чтобы построить роскошную гробницу. Перед ней должны стоять каменные звери и колонны, а стела — на черепахе-биси. Гроб должен быть из лакированного красного дерева, и побольше. Я привык спать на большой кровати.

Цинь Шэнь:

— ...

<http://bllate.org/book/15875/1436592>